

УДК 159.9

В.В. Козлов

ЯрГУ им. П.Г. Демидова, Россия, г. Ярославль
E-mail: kozlov@zi-kozlov.ru

Человек будущего: психологические проблемы интеграции субъектности и небиологического субстрата

Статья посвящена психологическим и технологическим проблемам, связанным с проектом общественного движения «Россия 2045». Автор вводит понятие неомена (нового человека) как результата внедрения проекта и описывает базовые проблемы, связанные с интеграцией сознания человека и небиологического субстрата. Идея кибернетического бессмертия является проблемой научной и технологической, которая ставит одновременно множество проблем этического, эпистемологического, экзистенциального характера.

Автор считает, что изоморфную сознанию систему необходимо рассматривать в динамике изофункционализма и с его помощью сопоставлять сходные процессы физические, химические, биологические, нейропсихологические и психологические в функционировании человека и киберсистемы. То есть при разработке киберсистемы следует соблюдать общесистемную закономерность: системы, находящиеся между собой в состоянии изоморфизма и изофункционализма, должны иметь сходные системные свойства.

В интегративной модели психологии, основателем которой является автор, сознание личности понимается как сложная, открытая, многокомпонентная система, способная поддерживать гомеостазис, целесообразное взаимодействие со средой, способная к адаптации, саморазвитию и генерированию новых структур и подсистем в соответствии со сложившейся ситуацией и новыми условиями для существования.

В соответствии с методологическим принципом изофункционализма автор предлагает использовать концепцию языков сознания (ощущения, эмоции и чувства, образы, символы, знаки) как среду моделирования субъектности неомена. В статье достаточно подробно анализируются сложности, связанные моделированием среды функционирования субъектной реальности в ощущениях, эмоциях и чувствах, образах, символах и знаковых системах.

Ключевые слова: неомен, сознание, язык, ощущение, эмоции, чувства, образ, символ, знак, бессмертие.

V.V. Kozlov

The man of the future: psychological issues relating to integrating subjectivity with non-biological substrate

The article speaks about a number of psychological and technological issues relating to the Russia 2045 social initiative. The author introduces the concept of 'a neoman' (a new man), which is supposed to be the result of the project; he also describes the main problems that could arise from integrating human consciousness with a non-biological substrate. Cybernetic immortality is both a scientific and technological issue, which poses multiple ethical, epistemological and existential problems.

The author believes that a system that is isomorphic to human consciousness should be viewed from the point of view of iso-functionalism, which could help in comparing similar physical, chemical, biological, neuropsychological and psychological processes in a human and a cyber system. That is, when scientists are developing a cyber system, they should observe the system-wide regularity: two isomorphic and iso-functional systems should have similar systemic characteristics.

The integrative model of psychology, which has been founded by the author of this article, views human consciousness as a complex, open, multi-component system, which is able to maintain homeostasis and rational interaction with the environment; it is also able to adapt and generate new structures and substructures in accordance with the situation and certain conditions it finds itself in.

Keeping in line with the methodological principle of iso-functionalism, the author suggests using the concept of consciousness languages (sensations, emotions, feelings, images, symbols and signs) as an environment for modeling the neoman's subjectivity. The article explores in detail the challenges that one faces when modeling the environment in which the subjective reality is functioning with regards to sensations, emotions, feeling, images, symbols and signal systems.

Key words: Neoman, consciousness, language, sensations, emotions, feelings, images, symbols, signs, immortality.

В.В. Козлов

Келешек адамы: субъектілік пен биологиялық емес субстрат бірігуінің психологиялық мәселелері.

Мақала «Ресей 2045» қоғамдық қозғалыс проектісімен байланысты психологиялық және технологиялық мәселелерге арналған. Автор проектіні енгізу нәтижесі ретінде неомен (жаңа адам) түсінігін енгізеді де, адам сана-сы мен биологиялық емес субстрат бірігуімен байланысты негізгі мәселелерді сипаттайды. Кибернетикалық ажалсыздық идеясы бір мезгілде көптеген этикалық, эпистемологиялық, экзистенциалды сипаттағы мәселелерді алға шығаратын ғылыми және технологиялық мәселе болып табылады.

Автордың пікірінше, санаға изоморфты жүйені изофункционализм динамикасында қарастырып, оның көмегімен адам мен кибержүйе қызметіндегі ұқсас физикалық, химиялық, биологиялық, нейропсихологиялық және психологиялық процестерді салыстырып қарау керек. Яғни, кибержүйені әзірлеу барысында жалпыжүйелік заңдылықтарды сақтаған жөн: өзара изоморфизм және изофункционализм жағдайындағы жүйелерде ұқсас жүйелік қасиеттер болуы қажет.

Негізін салушы автор болып табылатын психологияның интегративті моделінде тұлға санасы гомеостазға, ортамен мақсатты әрекеттестікке, бейімделуге қабілетті, өзін-өзі дамыту және қалыптасқан жағдай мен тіршілік етудің жаңа жағдайларына сәйкес жаңа құрылымдар мен қосалқы жүйелер тудыруға қабілетті күрделі, ашық әрі көпкомпонентті жүйе ретінде түсіндіріледі.

Изофункционализмнің әдістемелік принциптеріне сәйкес, автор сана тілдері (сезімдер, эмоциялар, бейнелер, символдар, белгілер) концепциясын неомен субъектілігін моделдеу ортасы ретінде қолдануды ұсынады. Мақалада эмоциялар мен сезімдерде, бейнелерде, символдар мен белгі жүйелеріндегі субъектілі шындықтың қызмет ету ортасын моделдеумен байланысты қиындықтар жете талданады.

Түйін сөздер: Неомен, сана, тіл, түйсік, эмоциялар, сезімдер, бейне, символ, белгі, ажалсыздық.

Проект общественного движения «Россия 2045», посвященный разным уровням кибернетического бессмертия, всколыхнул многие умы, он стал интересен для крупных российских и зарубежных ученых (Ник Бостром, Ениколопов С.Н., Гаврилюк Б.К., Дубровский Д.И., Каплан А.Я., Кричевский С.В., Лекторский В.А., Назаретян А.П., Петренко В.Ф., Барри Родриг, Андерс Сандберг, Селищев С.В., Кевин Уорвик, Фролов А.А., Исигуро Хироси, Шабалин В.Н. и др.), которые давно занимаются проблемой сознания в русле различных подходов, отраслей и парадигм науки [3, 9, 10].

В проекте «Россия 2045» проблема сознания, актуальная в культуре для научно-гносеологических, философских, теологических, психологических исследований, вдруг стала иметь практический и прагматический аспект, связанный с глобальной экзистенциальной проблемой человеческой смерти и бессмертия.

Идея кибернетического бессмертия, на наш взгляд, является проблемой научной и технологической, которая ставит одновременно множество проблем этического, эпистемологического, экзистенциального характера.

Данная проблема является реальной и важной для людей, существующих вне и за пределами глобальных религиозных систем, внутри которых бессмертие человека является фактом,

а смерть воспринимается как переход в иную форму, по содержанию и топологически чрезвычайно многомерную и многоликую.

Автор статьи за последние 30 лет изучил множество картографий умирания и перехода, начиная с применения современных диссоциативных психоделиков (разрывающих ткань с телесным функционированием) до тонких и изоощренных духовных практик, таких, как, например, ниродха из буддизма тхеравады. Опыт показывает, что у человека верующего проблема бессмертия разрешена на уровне внутреннего убеждения и переживания [5, 7].

Также существует группа, для которой само бессмертие при жизни кажется великим наказанием. Автор уже третье десятилетие занимается личностными кризисами, и их исследование показывает, что возможность смерти часто для людей является возможностью освобождения [8].

Развитие науки и позитивистского мышления сформировали людей, скептически относящихся к идее «загробного бессмертия». Именно для них проблема кибернетического бессмертия является реальной и важной.

Но любое скептическое отношение к религиозно-духовной традиции во все времена рождало таких людей, начиная от шива йоги индуизма веданты (йога физического бессмертия), вэйдань и нэйдань китайской культуры физического бес-

смертия, и заканчивая последней идеей физического бессмертия в системе ребефинга Леонарда Орра 21 века.

Как показывает исторический анализ, идея физического бессмертия привлекает людей с того момента, когда они осознали свою смертность. Но жизнь бессмертных (практикующих бессмертия) всегда неожиданно прерывалась смертью, и этот коан никогда не разрешался человечеством, и вот только сейчас, в начале 21 века, во многих смыслах забрезжил рассвет, раскрывающий простор реального бессмертия человека. Впервые бессмертие приобрела реальную плоть вне мифа – не Майтрея, не второе пришествие Христа, не космическая трансмутация, но прагматический масштабный научный проект.

Вне сомнения, сама идея кибернетического бессмертия, выдвинутая представителями общественного движения «Россия 2045», имеет фундаментальное методологическое обоснование в теории систем, особенно в реализации принципа системности в психологии.

В интегративной модели психологии мы понимаем **сознание личности** как сложную, открытую, многокомпонентную систему, способную поддерживать гомеостазис, целесообразное взаимодействие со средой, способную к адаптации, саморазвитию и генерированию новых структур и подсистем в соответствии со сложившейся ситуацией и новыми условиями для существования.

Среди общесистемных закономерностей, характеризующих принципиальные особенности построения, функционирования и развития сложных систем, наиболее значимой является изоморфизм как сходство объектов по форме или строению. Это означает, что системы, рассматриваемые отвлеченно от природы составляющих их элементов, являются изоморфными друг другу, если каждому элементу одной системы соответствует лишь один элемент второй и каждой связи в первой системе соответствует связь в другой, и наоборот [1].

В силу того, что сознание всегда реализуется во временном и пространственном континууме, то изоморфную сознанию систему необходимо рассматривать в динамике изофункционализма и с его помощью сопоставлять сходные процессы физические, химические, биологические, нейропсихологические и психологические в функционировании человека и киберсистемы.

То есть, при разработке киберсистемы следует соблюдать общесистемную закономерность: системы, находящиеся между собой в состоянии изоморфизма и изофункционализма, должны иметь сходные системные свойства.

На современном этапе существует не только принципиальная возможность воспроизведения функций живой системы и головного мозга на небиологических субстратах, но и ее реализация в медицине, которая уже использует искусственные органы (искусственное сердце, искусственные протезные конечности и др.). Однако воспроизводство психических функций, свойств, состояний человека в сложных по своим физическим свойствам материальных субстратах является достаточно сложной задачей.

Мы неоднократно писали в своих статьях и монографиях об интегративной функции сознания. Сознание самоорганизует всё содержание психической реальности к целостности и сохраняет целостность внутренней психической среды человека, а поскольку человек часть этого мира, то и целостность всего нашего мира. Хотя весь наш мир и является миром сознания, ведь, с точки зрения интегрированности сознания, невозможно сохранить дихотомию внешнего и внутреннего, отождествлять внешнее с видимым, внутреннее с невидимым и на этом основании считать действие внешним, а образ или сознание внутренним [6, 7].

Определяя сознание активным открытым пространством энергии, которое наполняет реальность смыслом, отношением и переживанием, мы подчеркиваем, что сознание лишено собственной структуры, оно бескачественно, «пустотно». Для демонстрации идеи бескачественности, пустотности сознания в психологии давно используется метафора, в которой сознание сравнивается со сценой, где разыгрываются события душевной жизни. Чтобы события эти могли происходить, нужна сцена, но сама сцена не участвует в них. На наш взгляд, и это подтверждено огромным количеством экспериментов, «сама сцена участвует в них» – сознание обладает интенциональной активностью наполнять содержанием не только жизнь во всем многообразии, но и смерть.

Итак, каким образом мы можем перенести сознание в киберсистему и определить предельно неопределенное и выводимое только из самого себя в качестве даже грубой модели?

Бесконечные споры по поводу связи мозга, ума, сознания и тела не утихают со времен ранних греческих философов, восточных индийских и китайских духовных традиций [5, 9].

Еще И. Кант говорил о невозможности существования эмпирического Я без Я трансцендентального, которое является условием объективности опыта. Объективность опыта возможна лишь при его непрерывности, непрерывным должен быть и тот, кому этот опыт принадлежит, т.е. Я. Трансцендентальное единство апперцепции, утверждение «Я мыслю» потенциально сопровождает течение опыта, представляет собой основу любого знания, при этом само знанием не является. Мыслящее Я не дано ни в каком опыте. Трансцендентальное Я не может быть объектом самого себя. О нем можно лишь как-то мыслить или символически намекать, но не знать. Трансцендентальное Я (индивидуальное свободное сознание) является вещью в себе [4].

То, каким образом в искусственное тело как самоорганизующуюся систему небиологического типа даже с включением в нее биологических компонентов включить, ретранслировать человеческое самосознание, на наш взгляд, проблема достаточно сложная и маловероятно, что создание действующей модели метаболизма мозга приведет к такому результату.

Но если понимать **сознание личности** как сложную, открытую, многокомпонентную систему, способную поддерживать гомеостазис, целесообразное взаимодействие со средой, способную к адаптации, саморазвитию и генерированию новых структур и подсистем в соответствии со сложившейся ситуацией и новыми условиями для существования, то мы можем обнаружить некоторые возможности ее энергоинформационного моделирования и ретранслирования в самоорганизующуюся систему небиологического типа.

Для формирования такой модели, на наш взгляд, продуктивно было бы использовать концепцию о языках сознания, описывающую то сложное содержание феноменов, которое определяет индивидуальную субъектную реальность.

Субъектная реальность – это индивидуальное и уникальное восприятие-представление о внутренней и внешней реальности, которое формируется в процессе социализации и является интегративным образованием, определяющим эмоциональные, когнитивные и поведенческие

особенности реагирования индивида на стимульное содержание внутренней и внешней среды.

При формировании системы небиологического пространства сознания неомена (думаем, обозначение этого существа «Новым человеком» имеет под собой основания) необходимо соблюдать закономерность изоморфности системы человеческой психики. Для того чтобы показать специфические черты различных сред (пространств существования и реализации) сознания, мы хотим предложить концепцию о языках сознания.

Вне сомнения, понятие сред реализации сознания более адекватно, чем уже ставшее привычным понятие языков сознания. Энергия сознания опредмечивается, наполняется содержанием в определенной среде, в которой и приобретает качество языка сознания [5].

Сама идея полевого преобразования энергии сознания в различных средах реализации является пионерской, но преждевременной, поэтому мы пока остановимся на термине «языки сознания». Следует отметить, что создание компьютерной модели мозга и психики человека методом обратного инжиниринга и разработка способа переноса личности на искусственный носитель могла бы опираться именно на идею полевого преобразования энергии сознания в различных средах функционирования.

Вначале обратимся к самой примитивной, на первый взгляд, классификации языков сознания. Тем более, что в терминологическом плане именно эта классификация нам ближе и понятнее: ощущения, эмоции и чувства, образы, символы, знаки – все это разные языки, обладающие внутренними законами и своей логикой.

В филогенетическом плане все эти языки сформировались в процессе эволюции жизни как способы отражения реальности и в онтогенезе усваивались нами именно в этой последовательности: сначала ощущения, затем эмоции и чувства, затем образы и, наконец, символы и знаки [5].

Еще раз напоминаем, что наша попытка вычленения и классификации языков сознания является демонстрационной моделью того, какие среды функционирования и реализации сознания необходимо воссоздавать в аналоговой системе неомена, так как в реальном потоке психического любой сенсорный стимул вызывает перцептивную организацию, эмоционально-чувственное реагирование и попытку категоризации.

Язык ощущений

Первичными формами ощущений являются таксисы (*греч.* taxis – «расположение по порядку») – ориентирующие компоненты поведенческих актов, врожденные способы пространственной ориентации в сторону благоприятных (положительные таксисы) или от неблагоприятных (отрицательные таксисы) условий среды.

Что касается моделирования языка ощущений, то необходимо воспроизвести рецепторную среду чрезвычайной сложности: экстероцептивные ощущения, которые дают образы внешнего мира (слуховые, зрительные, обонятельные), интероцептивные ощущения как отражение сигналов из внутренней среды организма, чувствительность к собственным обменным процессам, проприоцептивные ощущения – отражение сигналов от собственного двигательного аппарата (мышцы и сухожилия).

В технологическом отношении воспроизводство языка ощущений сводится к разработке оснащения робототехники сенсорной системой с заданными свойствами распознавания и искусственной нервной системы для роботов гуманоидного типа.

Технологическое моделирование языка ощущений у неомена, думаем, должно быть селективным. Например, возможно, будут исключены рецепторные системы, отвечающие за голод, жажду, удушье и др. Хотя следует признать, что многие ощущения являются системообразующими для людей (например вкусовые для гурмана) и лишение некоторых модальностей может фрустрировать неомена.

Язык эмоций

Следующий язык, язык эмоций, возник в процессе эволюции как средство, позволяющее живым существам определять биологическую значимость состояний организма и внешних воздействий. Самая примитивная форма этого языка – эмоциональный тон ощущений – существует уже в первые месяцы жизни ребенка (по некоторым новым исследованиям – уже во внутриутробном состоянии). Эмоциональный тон ощущений сопровождает непосредственные переживания, возникающие в ответ на отдельные жизненно важные воздействия (вкусовые, температурные и пр.), и способствует их сохранению или устранению.

Чем дальше развивается ребенок, тем более дифференцированными становятся качества эмоций, усложняются объекты, вызывающие эмоциональное отношение. Ребенок постепенно научается контролировать эмоции, регулировать их внешнее выражение.

Эволюция языка эмоций как в филогенезе, так и в онтогенезе происходит от менее простых к более сложным, от целостных состояний к все большей и большей дифференцированности.

Знание и тонкая рефлексия языка эмоций во внутреннем пространстве чрезвычайно значимы, так как эмоции имеют важную регуляторную функцию. Согласно информационной теории эмоций, роль этого языка в организации целенаправленного поведения заключается в следующем:

– стремление усилить, продлить ситуации, в которых возрастает вероятность удовлетворения потребности (витальной, социальной, идеальной, потребности в компетентности или в преодолении препятствий);

– тенденция к ослаблению, предотвращению последствий в ситуациях падения вероятности удовлетворения потребности.

В духовных традициях отношение к эмоциям и чувствам весьма разнообразно – от полного аскетического отказа до полной включенности и проживания. Часто традиции относятся к ним селективно, культивируя одни эмоции и подавляя другие.

Важно, что культивируемое чувство не редко является настолько приоритетным, что находится за пределами морали и оценки или же является высшей добродетелью. Таковыми являются Великое Сострадание (махакаруна) в буддизме, любовь к ближнему в христианстве и чувство священной мести (джихад) в мусульманстве. Это справедливо не только для духовных традиций, но и для любой системы формирования личности и характера. Часто понятие национального характера ассоциируется именно с формированием определенной культуры эмоционального реагирования.

Мы не будем анализировать подробно данную проблему в этой статье. Но важно отметить, что чувства являются не только пиковым выражением высших достижений традиций, их культивирование является философским кредо и духовным путем.

Проблема моделирования чувств является, возможно, и не самой главной системной характеристикой неомена, но вне сомнения чрезвычайно важной, если мы хотим ему дать характеристики человеческого бытия. Как моделировать радость, или печаль, вулканический экстаз или предельную депрессию, злость, агрессию, страдание, любовь – соки жизни человеческой? Это, на самом деле, даже на уровне современных технологий представить трудно.

Здесь мы сталкиваемся с несколькими проблемами:

- чувства и эмоции имеют очень динамичный и «текучий» характер, и часто работа (моделирование их) похожа на стремление наполнить водой сито;

- любое стремление проанализировать, отразить, рефлектировать чувство или эмоцию приводит к перефокусировке осознания на само содержание мышления, приводит к изменению самого чувства, а часто к его гибели;

- любые достаточно сильные чувства (депрессия, чувство одиночества, любовь, сексуальное чувство и др.) полностью «захватывают» личность, сознание человека и лишают его самостоятельности и возможности тонкой рефлексии. Индивидуальное сознание теряет субъектность, а чувство перестает быть объектом проживания. В данной ситуации мы можем говорить о полном и тотальном доминировании языка чувств на уровне глобального «мироощущения», восприятия мира внутреннего и внешнего из данного чувства.

Из вышеназванных аспектов мы можем сделать несколько тактических выводов:

- 1) на первых этапах необходимо воспроизводство и моделирование примитивных эмоций (эмоциональный тон);

- 2) необходимо опираться для стабильности и эффективности моделирования на наиболее сильные чувства, которые связаны с базовыми потребностями человека: секс, страх смерти, стремление к превосходству, эгоизм, жажда жизни и др.;

- 3) эффективнее формировать примитивные чувства бинарного кода, чем сложные и противоречивые чувства, обладающие большим потенциалом энтропии.

В контексте нашей статьи Равноценность может стать системообразующим психическим состоянием неомена, так как именно невовлечен-

ность, особенно в деструктивные состояния всемогущества, агрессии, гордыни, исключительности, вседозволенности (ибо если болезни, старости и смерти нет, то может и все позволено... и если ты бесконечен во времени и на предельно бесконечен в пространстве, то и греха в тебе нет и ты есть тот, кто всегда был больше чем человек – Дух блуждающий и взирающий на мир) может в новом человеке сохранить человеческое.

НО...

Какие чувства привьются неомену – пока загадка без разгадки...

Язык образов

Язык образов является основным языком, в котором отражается картина как внутренней психической реальности человека, так и внешнего мира во всех возможных модальностях опыта. Язык образов является способом структурирования реальности не только в модальностях опыта при непосредственном воздействии физических раздражителей на рецепторные поверхности, что связывает их с языком ощущений, но и психологическими феноменами такой сложности, как «Я-образ», образ другого в социальной перцепции.

Для моделирования перцептивных процессов, на наш взгляд, понятие языка образов необходимо рассматривать в пределах, ограниченных современной когнитивной психологией. В соответствии с этой логикой необходимо сделать анализ образа по разным модальностям опыта: зрительной, слуховой, кинестетической, обонятельной, вкусовой, а затем проанализировать интермодальные образы сложного характера.

Самым сложным в содержательном аспекте является образ мира (А.Н. Леонтьев) как целостная система представлений человека об окружающей реальности (физическая и социальная среда), о себе, своей деятельности, спонтанной активности. Мы можем допустить высшую интегрированность языка образов в понятии «субъектная реальность», однако субъектная реальность соединяет все многообразие языков сознания, которые и являются основой субъективности. В силу того, что моделирование систем такого уровня сложности невозможно в настоящий момент, то, на наш взгляд, эту проблему сложно разрешить и в ближайшем будущем.

Язык символов

Говоря о языке символов, трудно не вспомнить слова Э. Кассирера, который называл человека «animalsymbolicum» – «символическое животное». Язык символов, как утверждал выдающийся русский психолог Л.С. Выготский, возникает уже на первом году жизни человека, уже в это время человека характеризует новый способ адаптации к среде – символический, который является для него новым измерением реальности.

Понятие символа в науке возникло очень давно, но оно по сегодняшний день не находит однозначного толкования. Это, вероятно, обусловлено даже самым происхождением слова, в которое изначально вкладывалось разное содержание: а) *symbolum* – соединяющее, предметный знак (для опознавания постояльца), удостоверение; б) *symbolum* – правовое соглашение между греческими государствами (место встречи, сходка, *conventio*). То есть уже этимология слова указывает на двойственность – координирующий знак (символическое изображение) и некая договоренность об этом знаке (как понимать смысл этого символа).

Человек погружен не только в материальный, непосредственно воспринимаемый мир, но и запредельный, символический мир. Фольклор, мифы, искусство, религия – элементы этого мира. Человек погружен в пространство символических форм, мистических, эзотерических, ортодоксальных, мифологических, художественных, религиозных... Символ касается глубинных структур психики, он многозначен и многомерен, язык архетипов, общечеловеческих первообразов, построен на языке символов.

Символ многомерен и включает в себя и смысл координации и приметы, качества. Как знаки координации они отображают тот мир, о котором есть консенсусная договоренность в культуре социального сообщества, и наполняют символ атрибутивными качествами. Символ всегда указывает, направляет в определенное семантическое поле, при этом он имеет свое экспрессивное, эмоциональное содержание.

Как координация, так и атрибутика, как символическое обозначение, так и вкладываемое смысловое содержание зависят от полевой значимости в культурной среде.

Символ свастики для этнографа, занимающегося происхождением культуры, – это символ

огня и жизни в архаических племенах, т.к. напоминает орудие добычи огня. Для ведической философии – это древний символ веры, руна. Для многих живущих в России и помнящих Великую Отечественную войну – это страшный символ жестокости и бесчеловечности фашизма.

Будучи помещенными в определенном месте культурного смыслового поля, символы приобретают на карте реальности свою полевую ценность и содержание.

Язык символов, вне сомнения, более целостен и живописен. Он больше отражает архаические глубины человеческого сознания и удовлетворяет жажду наглядности и потребность в непосредственном контакте и общении с чувственно воспринимаемыми вещами. За символом сознание дорисовывает наглядно переживаемый миф, а обилие слов и знаков вызывает тоску по многомерности и мистическому чуду символического.

Мы можем прочесть сотни книг о смерти, но одинокий крест в поле не только возвращает нас от текстовой реальности к естеству бытия, одинокий крест возвращает стремление к полному охвату конкретного мира, пробуждает целостные переживания и открывает завесу к своему переживанию смертности, к своим смыслам и инсайтам.

Символ удовлетворяет нашу потребность в глобальных обобщениях и роднит нас с голосами вечности.

Созерцая символ, мы разрываем туман слов и возвращаемся к тому, что может непосредственно созерцать глаз, слышать ухо, ощутить рука, прочувствовать живот.

Созерцая символ, мы находим путь назад, к простоте и ясности бытия в мире.

Иногда нам кажется, что человек больше символическое животное, чем существо, несущее индивидуальное свободное сознание с бесконечной избыточностью в мышлении, эмоциях и поведении. Дополнительным аргументом для этого тезиса является то, что, кроме «знаков», названных символическими и обладающих репрезентирующей значимостью в культурном поле, существуют распространенные повсеместно символические действия, иногда достигающие такой сложности, что их усвоение требует многолетних упражнений для адепта (некоторые религиозные и светские ритуалы). Как правило, эти действия понятны только узкому кругу посвященных.

Вне сомнения, человек – существо символическое и вне мифологического, символического восприятия, мышления, понимания, осмысления человеческого сознание теряет свою духовную сущность, поэтому то, каким образом разработать метасистему символического языка и включить ее в функционирование неомена – вопрос открытый.

Язык знаков

Язык знаков является самым молодым среди языков сознания в филогенетическом аспекте. В онтогенетическом аспекте ребенок только к годовалому возрасту начинает овладевать этим языком. В то же время это самый развитый и культивируемый язык современности. Язык знаков является высшей формой реализации сознания, так как осознаваемое мышление обычно сопровождается и формируется в речи (письменной и устной). Язык знаков как форма сознания – это сложная система кодов, обозначающая предметы, признаки, свойства предметов, действия и отношения.

Называя какой-либо предмет, мы в той или иной мере его познаем, проникаем внутрь его. Это происходит в силу того, что в словах, запечатлен, сконцентрирован общественно-исторический опыт познания предметов, свойств, отношений. Слово (или словосочетание) служит средством существования знаний, добытых в процессе познания соответствующих объектов. Сами же знания устанавливаются и передаются с помощью языка слов. В процессе социализации человек при помощи языка знаков не только приобретает знания, овладевая речью, но и учится определенным образом мыслить.

Словосочетание есть материальная оболочка мысли, оно как бы оформляет мысль. Без этой оболочки мысль теряется, «растекается», ей уже нельзя воспользоваться. Таким образом, налицо двойная связь: с одной стороны, то, о чем мы думаем, определяет выбор используемых нами слов, с другой – используемые нами слова определяют то, как мы думаем [5].

Другая важная функция языка и речи – коммуникативная. С помощью речи люди общаются между собой, передают определенные сведения, выражают свои мысли, чувства и тем самым воздействуют друг на друга.

Язык знаков является символической репрезентацией опыта. Это единственная система, ко-

торая может представлять все другие языки сознания, а также представлять себя. Он не связан непосредственно ни с каким сенсорным органом. Как и в других языках сознания, он не только отражает особенности формирования психической карты реальности, но также расширяет или ограничивает восприятие.

Именно в языке знаков проявляется высшая форма демиургова качества сознания – мы создаем свой мир во всех его индивидуальных ограничениях и одновременно в его неповторимости и уникальности. Язык знаков, оформленный в слова и их сочетания, создает ту конфигурацию консенсусного сознания, которая существует в соответствии с требованиями общественного и физического порядка, и которую мы обозначаем миром повседневной жизни.

Что касается языка знаков, то, на наш взгляд, уже нет проблем сохранения и воспроизводства объемов информации в масштабах больших, чем это возможно для отдельного человека даже с очень высокими способностями.

Минимальный обзор научной проблемы моделирования неомена показывает, что проект кибернетического бессмертия «Россия 2045» ставит множество сложных задач. Это не только воспроизведение на небиологическом носителе системы самоорганизации информационных процессов, которая создает качество субъективной реальности, но и моделирование среды функционирования этой субъективной реальности в ощущениях, эмоциях и чувствах, образах, символах и знаковых системах. Но при этом возможна реализация задачи построения многомерной языковой среды, трансформационного пространства, в котором могли бы найти свое творческое выражение все состояния сознания, и которое обеспечивало бы общение между различными его слоями и измерениями.

Чрезвычайно важна проблема синтеза субъектности как таковой и киберсреды. Ведь именно субъектность является центральным образованием личности человека, интегрирующим ее материальные, социальные и духовные измерения бытия и реализации в мире. В субъектности личности человек интегрирован и как субъект жизнедеятельности, и как субъект внутреннего психологического мира.

Субъектность представляет собой и целостность душевной жизни, психосоциальную реальность и содержание субъектного способа бытия, является условием актуализации и реализации

самого себя, задающей способность изменять окружающую действительность и себя в отношении к ней, активно адаптироваться к среде и к самому себе.

Субъектность дает возможность развернуть экзистенциальные измерения человека, находить смысл своего бытия в мире, смысл и ценности события с другим или другими, пережить и преодолеть свою тварность и абсурд жизни.

Следует добавить, что содержание субъектности определяется реальным бытием, отношениями, жизнью людей и существуют только как их сознание, как продукт развития указанной системы социальных отношений. В процессе социализации субъектность образует системы материального, социального и духовного Эго, основные его тенденции и процессы. И здесь мы не можем рассматривать субъектность в разрыве от общей социальной системы отношений.

Мы надеемся, что идеи этого проекта имеют немалую научную и технологическую перспек-

тиву, и они станут специальным предметом многих исследований, которые раскроют их глубоко и основательно.

Задачу подобной сложности, на наш взгляд, наука прежде еще не ставила перед собой.

С другой стороны, проект, выдвигаемый «Россией 2045», достаточно конкретен и намечает основные этапы движения к этой глобальной и масштабной цели.

На наш взгляд, такой мегапроект, как «Россия 2045», является мощным вызовом для представителей планетарной науки и способен не только воодушевить талантливых ученых, но и послужить стимулом интеграции усилий и творческого вдохновения.

С третьей стороны, кто думал сто лет назад, что люди будут жить и работать в космосе? Разве только писатели-фантасты...

А ведь так живут и работают уже сегодня.

Почему бы тварному не стать бессмертным, временному вечным, а ничтожному великим...

Великая цель зовет великое действие.

Литература

1. Волкова В. Н. Теория систем // В. Н. Волкова, А. А. Денисов. – М.: Высшая школа, 2006. – 512 с.
2. Гроф С. Холотропное сознание. – М.: Изд-во Трансперсонального Института, 1996. – 248 с.
3. Дубровский Д. И. Сознание, мозг, искусственный интеллект. – М., 2007.
4. Кант И. Сочинения в шести томах // Т.3. М.: Мысль, 1964.
5. Козлов В.В. Интегративная психология: Пути духовного поиска или освящение повседневности. – М.: Психотерапия, 2007 – 528 с.
6. Козлов В.В. Психология творчества: свет, сумерки и темная ночь души. – М.: ГАЛА-Издательство, 2008. – 112 с.
7. Козлов В.В. Психотехнологии измененных состояний сознания. – М.: Институт психотерапии, 2005. 544 с.
8. Козлов В.В. Психология буддизма. – М.: Институт консультирования и системных решений, 2011. – 200 с.
9. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. – СПб, 2005.
10. Петренко В.Ф., Кучеренко В.В., Вяльба Ю.А. Психосемантика измененных состояний сознания // Психологический журнал, 2006. – № 5. – С. 16–27.
11. Hunt H.T. On the Nature of Consciousness: Cognitive, Phenomenological and Transpersonal Perspectives. – 1995. – 390 p.
12. Pribram, Karl (ed.) Rethinking neural networks: quantum fields and biological data. 1993., Hillsdale, N. J.: Erlbaum.

References

1. Volkova V .N. Systems theory//V.N.Volkova, A.A.Denisov.-M., Vysshaya shkola, 2006.-512 p.
2. Grof S. Kholotropic consiousness.-M., Transpersonal Institute Publishing, 1996.-248 p.
3. Dubrovskiy D.I. Consciourness, brain, artificial intelligence. – M.,2007.
4. Kant I. Works, 6 vol.//volume 3.-M.,Thought Publishing, 1964.
5. Kozlov V.V.Integrative psychology-ways of spirital search or consecration of humdrum.-M.,Psychotherapy Publishing,2007.-528 p.
6. Kozlov V.V.Psychology of creativity. Light, gloaming and dark night of the Soul.- M.: Gala Publishing,2008. – 112 p.
7. Kozlov V.V.Psychotechnologies of transsubstatal states of consiousness. M.,Psychotherapy Publishing,2005. – 544 p.
8. Kozlov V.V.Psychology of Buddhism. – M.,Institute of Consulting and systems solutions, 2011. – 200 p.
9. Petrenko V.F. Psychosemantics Basics. – SPb, 2005
10. Petrenko V.F., Kucherenko V.V.,Vyalba Yu.A. Psychosemantics of transsubstatal states of consiousness. // Psychological Journal, 2006. – № 5. – P. 16 – 27.
11. Hunt H.T. On the Nature of Consciousness: Cognitive, Phenomenological and Transpersonal Perspectives. – 1995. – 390 p.
12. Pribram, Karl (ed.) Rethinking neural networks: quantum fields and biological data. 1993, Hillsdale, N. J.: Erlbaum.

Сведения об авторе:

Козлов Владимир Васильевич – Президент Международной Академии Психологических наук, доктор психологических наук, профессор заведующий кафедрой социальной и политической психологии ЯрГУ им. П.Г. Демидова